

Д. П. ОЗНОБИШИН. ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ВОСТОЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ

Часть 1. Из антологии «Арабески, или Собрание восточных повестей»

(Публикация Ю. Б. Орлицкого)

Литературное наследие русского поэта и переводчика Дмитрия Петровича Ознобишина (1804–1877) достаточно обширно и разнообразно. Подробное описание его фонда в РО ИРЛИ РАН составлено Н. А. Хохловой и опубликовано в «Ежегоднике» в 1994 г.¹

Вышедший в 2001 г. в серии «Литературные памятники» двухтомник его сочинений² включает значительную часть произведений поэта, как оригинальных, так и (в меньшей степени) переводных; в него вошла также обстоятельная статья Н. Н. Холмухамедовой «Д. П. Ознобишин в контексте русской ориентальной поэзии 20–40-х годов XIX в.».³

Однако, к огромному сожалению, издание не свободно от ряда серьезных недостатков, неподобающих академическому изданию. Один из них – неполнота публикации некоторых текстов, в первую очередь – уникальной для русской литературы своего времени антологии арабской прозы «Арабески, или Собрание восточных повестей», адресованной широкому читателю своего времени и включающей, наряду с переводами арабских повестей, выбранных Ознобишиным из разных книг, также обширный комментарий, имеющий собственную ценность: как историческую и филологическую, так и собственно художественную.

Известно, что Ознобишин был не только известным поэтом, но и одним из первых в России ученых-востоковедов, поэтому его книга,

¹ Хохлова Н. А. Обзор архива Д. П. Ознобишина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 3–28.

² Ознобишин Д. П. Стихотворения. Проза: В 2 кн. М.: Наука, 2001.

³ Там же. Кн. 2. С. 376–435.

до недавнего времени остававшаяся в рукописном виде, ставила одновременно две цели: познакомить русского читателя с сокровищами восточной литературы, переведенными в полноценной художественной форме, и дать читателю представление о специфических особенностях арабской словесности и культуры в целом. Выполнению второй задачи и должны были способствовать подробные комментарии переводчика, сопровождающие каждую из десяти новелл и представляющие для современного читателя особую ценность: как с точки зрения истории восприятия восточной (и в частности – арабской) культуры в России середины XIX в., эпохи позднего постромантического ориентализма, так и с точки зрения истории формирования нового типа переводных изданий, в которых комментирующий компонент приобретал особую научную и в то же время художественную ценность, создавал специфический адаптивный механизм, необходимый для органического существования инокультурного текста в контексте национальной литературной культуры. Как писал в предисловии к книге сам автор, «в примечаниях, прилагаемых к каждой из сих повестей, избегая сухости, неизбежной почти при всяком филологическом изыскании, я старался, сколько мог, пояснить предмет мой, придать ему больше разнообразия и вместе с тем легко ознакомить читателей моих с нравами и обычаями жителей Востока; для этого поместил я в них несколько анекдотов, заимствованных мною из сочинений писателей известных, а в конце биографию Гарири (в современном написании – аль-Харири. – *Ю. О.*), писанную Эбн Хилькамом. Если сии Арабески, бегло перенесенные мной на Север из пышных зданий ориентализма, успеют обратить на себя внимание немногих ценителей, цель мой достигнута, и я, как юный счастливец в Саадиевом Гулистане, и лук мой и стрелу предаю пламени».⁴

К сожалению, в двухтомнике эти комментарии сокращены до минимума и при этом используются только в своей прямой функции, для объяснения тех или иных текстовых и внетекстовых реалий, которые для сегодняшнего читателя нуждаются в ином, более современном комментарии. Восстановить и прокомментировать эти ценнейшие для истории русской ориенталистики материалы – дело будущего, в настоящей же публикации мы ставили значительно более скромные цели: ввести в читательский оборот четыре

⁴ РО ИРЛИ, ф. 213, № 46, л. 1.

из десяти новелл, по не объясненным составителями причинам исключенные из «Арабесок» в публикации, а также восстановить авторский порядок следования новелл в сборнике и на примере пропущенных новелл показать, как именно комментировал свою книгу Ознобишин.

Сравним для начала набор и порядок повестей в рукописи⁵ и в публикации 2001 г. У Ознобишина «собрание» включает, как уже говорилось, десять произведений:

1. Посещение. *Восточная повесть*.
2. Идеал. *Восточная повесть*.
3. Соперничество шести невольниц. *Восточная повесть*.
4. Спор. *Восточная повесть*.
5. Караван. (Из Гарири).
6. Желание. *Арабская повесть*.
7. Любовь.
8. Вор.
9. Примирение.
10. Золотая монета. *Динарийская макама*.

В версии публикаторов набор и порядок следования произведений выглядит следующим образом:

1. Посещение. *Восточная повесть*.
2. Спор. *Восточная повесть*.
3. Идеал. *Восточная повесть*.
4. Желание. *Арабская повесть*.
5. Золотая монета. *Динарийская макама*.
6. Соперничество шести невольниц. *Восточная повесть*.

Очевидно, публикаторы не приняли во внимание замысел автора, создавшего именно «собрание повестей», а не просто их «ряд», как написано в их комментариях.⁶

При этом в качестве источника публикации указана не рукопись, а прижизненные публикации повестей. В таком случае непонятно, почему в книгу при этом не попала самая популярная «восточная по-

⁵ РО ИРЛИ, ф. 213, № 46.

⁶ *Ознобишин Д. П. Стихотворения. Проза. Кн. 2. С. 585.*

весть» Ознобишина – «Караван» (кстати, единственная, в подзаголовке которой обозначен автор оригинала – Аль-Харири); эта повесть публиковалась при жизни писателя в «Сыне отечества»⁷ (где через пять лет была опубликована и «Золотая монета»)⁸.

Мы решили опубликовать четыре пропущенные в издании 2001 г. повести с полными авторскими комментариями, а также комментарии Ознобишина еще к двум другим повестям, включенным в новейший двухтомник и представляющим наибольший интерес для современного читателя и ценителя восточных древностей: «Спор» и «Золотая монета»; так, комментарий к последней повести содержит краткий очерк жизни и творчества ее автора, известного арабского средневекового писателя аль-Харири.

В архиве писателя кроме основного текста повести сохранились также расширенные варианты комментария, к которым мы обращаемся в ряде случаев. Задача подробного комментирования упоминающихся в повестях и комментариях к ним имен и реалий в публикации принципиально не ставится.

В комментариях Ознобишин обычно указывает источник информации, чаще всего это – книги французских, немецких и английских востоковедов, чаще всего данные в сокращенной форме, многие из которых сохранились в семейной библиотеке Ознобишиных.⁹ В рукописи они выделены подчеркиванием; мы заменили его курсивом. В тех случаях, когда нам удалось расшифровать эти указания, внизу страницы даются наши комментарии к комментариям Ознобишина.

Иногда Ознобишин цитирует в комментариях стихи восточных поэтов, попутно объясняя русскому писателю особенности восточной

⁷ Сын отечества. 1826. Ч. 107. С. 251–263. Известные арабисты В. Борисов и А. Долиннина, называя этот перевод единственным из пяти, осуществленных в России в XIX в., автор которого «сделал удачную попытку воспроизвести рифмы и ритм подлинника», приписывают его О. Сенковскому, а не Д. Ознобишину (*Борисов В., Долиннина А.* Абу Мухаммед аль-Харири и его макамы // *Абу Мухаммед аль-Касим аль-Харири.* Макамы. М., 1987. С. 11); публикуемая рукопись позволяет установить подлинное авторство перевода.

⁸ Сын отечества. 1830. Ч. 134. С. 420–427.

⁹ Ее описание благодаря усилиям ульяновских коллег недавно стало доступным научной общественности и активно использовалось при подготовке комментариев к этой публикации: *Морозова В. В.* Библиотека Ознобишиных: каталог. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2006 (Ульяновская государственная областная научная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел редких книг и рукописей).

поэтики; так, в выпавшем из издания 2001 г. комментарии к первой повести «Арабесок», «Посещению», Ознобишин так толкует первое появившееся в тексте книги стихотворение:

О, кто стукнул в дверь, кто кликнул?
Не она ль идет?
Даст ли ныне куст желаний
Свой бесценный плод? –

«Стихи сии незнакомому с аллегориями восточных писателей покажутся странными; но что бы сказал он, прочтя следующее двустишие из Гумайюннама:

«Голубь утра (солнце) снова распростер свои крылья, и в перья попугая (лучи) преобразилась утренняя одежда».

Таким необычным способом – объясняя одну восточную аллегорию через другую – Ознобишин вводит своего читателя в сложный мир арабской поэтики.

Следует заметить, что упоминаемая здесь Гумайюннама (Huma-yun-nama, Хумаюн-намэ) – название книги арабского писателя Бегам Гулбадана (Gulbadan, Begam, 1524–1603), посвященной Хумаюну (полное имя *Насир-уд-дин Мухаммад Хумаюн*; 1508–1556) – второму из Великих Моголов, сыну Бабура и отцу Акбара, посвятившему свою жизнь борьбе с Шер-шахом за обладание северной Индией.

Повести печатаются с авторскими комментариями, к которым в случае необходимости приводится современный комментарий, помещаемый в подстраничные сноски.

Орфография и пунктуация воспроизводимых повестей и комментариев в большинстве случаев приведены к современным нормам. В указателе имена арабских исторических и литературных персонажей, а также европейских востоковедов даются в таком виде, в котором они приведены у Д. П. Ознобишина.

Публикация осуществляется по рукописи (РО ИРЛИ, ф. 213, № 46).

Пользуемся случаем выразить благодарность за помощь в работе с рукописями Д. Безносову и М. Нестеренко.

ИЗ КНИГИ «АРАБЕСКИ, ИЛИ СОБРАНИЕ
ВОСТОЧНЫХ ПОВЕСТЕЙ»

КАРАВАН

(Из Гарири)

Чуждый забот и гордый обилием млека богатств моих, я оставил однажды Ирак, с намерением посетить Гуту Дамасскую (1). Прибыв в сие место, уверился я на самом деле, что оно совершенно оправдывает похвалы, приписываемые ему путешественниками; и действительно там увидишь все, что только может пожелать сердце, все, что только в состоянии пленить взоры. Тогда благословил я руку удаления (2) и, предавшись неге, начал преломлять печать моих желаний и срывать гроздия удовольствий. Однако же я не замедлил выйти из упоения и бесчувственного сна моего, и скоро отбытие одного каравана в Ирак, приведя мне на память мою отчину, возродило в сердце моем желание туда возвратиться.

Окончив все нужные приготовления и не желая отправиться в путь без защиты, все вместе начали мы обдумывать о способах, каким образом приобрести ее; но все старания наши были бесполезны. Находясь в такой нерешимости, собрались мы перед воротами Дамаска, именуемыми Жирун, чтобы хорошенько размыслить о том, что предпримем; тогда начали мы завязывать и развязывать узлы затруднений, вить и развивать веревку решительности. Подле нас стоял человек в одежде Дервиша; в руке своей держал он четки, употребляемые женщинами (3), а в его глазах заметны были признаки упоения.

Когда он увидел, что мы уже были почти готовы отложить наше намерение, которое по всей гласности сделалось ему известно, тогда, приблизившись к нам, сказал: «Путешественники! успокойтесь; я соглашаюсь быть вашим защитником. Я обладаю таким средством, которое может рассеять ваши опасения». Сие предложение побудило нас расспросить чужестранца об его способе, и мы обещались дать ему за таковую услугу значительную сумму денег. Тогда он сказал нам, что научит нас речам, открытым ему в сновидении, и что сии речи предохранят нас наилучшим образом от злобы людей. При сих словах начали мы поглядывать друг на друга и показывать явные знаки нашей недоверчивости. Он это заметил и понял, сколь малую даем мы цену его обязательным предложениям. «Как?» – воскликнул он: «вы считаете шуткою слова мои, и мое золото кажется вам только

металлическим выгаром? Несмотря однако ж на это, я вас уверяю, что с давних времен, всякий раз, как только случилось мне проходить страны, известные своими опасностями, всякий раз, как я почти предавался неминуемой гибели, слова сии служили для меня вернейшею защитой. Впрочем, чтоб изгнать из ума вашего даже и тень подозрения, я сам буду находиться с вами в степи, сам буду сопровождать вас в местах опасных. Если я выполню свое обещание, то будьте ко мне великодушны; но если уста мои произносят одну ложь, то вы властны разорвать мое тело и пролить мою кровь». Сии слова убедили нас в истине обещания чужестранца; мы разорвали узы препятствий и безо всякого опасения поспешно начали бросать жеребьи, чтобы узнать, кому из нас достанется вести его. Когда верблюды были навьючены и минута отъезда наступила, тогда мы попросили его, чтоб он открыл нам волшебные слова, о которых говорил. Он отвечал: «Да всякий из вас читает утром и вечером первую суру Корана и да произнесет потом с умилением и в полголоса следующую молитву: “Боже, исполняющий жизнь истлевшие кости, удаляющий бедствия, предохраняющий от случаев вредных, возмездник великодушный, верное прибежище к Тебе прибегающим, Отец милосердый, сохраняющий нас здоровыми и невредимыми; удостой пролить Твои благословения на Магомеда (4), на лучезарные светочи его семейства, и на ключи его побед (5). Милосердый Боже! избавь меня от искушения диавола, от насилия Султанов, от коварства злобных, от козней неприятелей; сохрани меня от падения, грабительства, притеснений и от всяких бедствий непредвиденных. Боже, защити меня от несправедливости моих соседей и от соседства с людьми коварными; отдали от меня руку притеснителей. Извлеки меня из мраков злобы, и вмести, по великому Твоему милосердию, среди Твоих верных служителей. Боже, сообрази быть моею опорой во всяком месте, хотя бы я жил в моей отчизне или в стране иноземной, и в моем отсутствии, и при возврате, и в сей и в будущей жизни.

Сохрани меня, сохрани мою честь, мое состояние, семейство и здоровье. Соблуди меня от превратностей счастья, подай мне силы избегать зла и творить доброе! Боже, бодрствуй всегда надо мною, содействуй мне Своим покровительством и благодатью, содействуй мне обладателем его избрания и осыпь меня Своими щедротами. Даруй мне пищу никогда не прерывающуюся, удали от меня бедствия, сохрани меня Твоими обильными благодеяниями. Исполни мою молитву, Ты, который ей внимал!”». Потом этот чужестранец опу-

тил глаза в землю, не говоря более ни слова; но вскоре после сего он поднял голову и воскликнул: «Да, клянусь небом, украшенным со звездами, землею, обновленную долинами, палящим светочем солнца, ревущим Океаном, воздухом и прахом, сия молитва есть самая вернейшая ладонка; она заменит вам воинов, покрытых шлемами. Тот, кто произнесет ее при улыбке денницы, будет вне опасности от всяких неприятностей до сумраков вечера; и кто скажет ее прежде мраков ночи, будет невредим от воровства во все продолжение оной».

Итак, мы выучили наизусть эту молитву и потом отправились в путь, защищая наши пожитки одними словами, а не людьми вооруженными.

Наш Дервиш постоянно следовал за нами, ничего у нас не требуя; но когда открылись перед нами высоты Ана (6), он начал просить у нас награды за труды свои. Мы ему сказали тогда, чтоб он выбрал из наших товаров и денег все, что может принести ему удовольствие. Он не заставил дважды повторить себе сего предложения, смело овладел всем драгоценнейшим, что у нас было, и в особенности не пощадил золота как надежного средства вырваться из бедности, после чего он скрылся с проворством мошенника. Огорченные и вместе удивленные, что он таким образом нас оставил, мы осведомлялись о нем у всякого, кто нам ни встречался. Наконец мы узнали, что с самого прибытия в Ана он не выходил из народной гостиницы (7).

Удивленный сими словами, я захотел сам удостовериться в истине и решился вступить в такое место, куда дотоль никто еще не видел, чтобы ступала нога моя. Я переоделся и пошел ночью в показанную мне гостиницу. И что ж! в самом деле нашел я там нашего ложного Дервиша, окруженного сосудами, полными вином, и посреди юных чашников. Здесь стояли зажженные свечи, там мирт и другие цветы проливали сладострастное благовоние (8); различные музыкальные инструменты, духовые и струнные, придавали новую прелесть сему месту; старик то откупоривал сосуды, то приказывал играть на инструментах, то вбирал в себя бальзамическое дыхание цветов или резвился с юными чашниками.

Сравнивая теперешнее поведение сего человека с прежними его поступками, я легко увидел, что он был действительно лицемер. «Проклятый!» – сказал я ему: «разве ты позабыл день Жируна?». Но он начал хохотать во все горло и пропел следующие стихи:

«Чтобы сорвать роскошный цвет,
Миг радости летучий,
Я презрел славы звучный след
И сквозь пески зыбучи
Блуждал в далекой стороне,
Опасность презирая;
Стремнины ль путь претили мне?
Я их смеялся глубине,
Через них переплывая.
И гордых я смирял коней,
Затем, чтобы, как прежде,
Бродить, с веселием очей (9),
Беспечности в одежде.
Я всю недвижимость продал,
Отбросил в даль приличья,
За то и днем и в ночь бокал
Мой полон без различья.
Что, что бы сделалось со мной
Без этого стремленья?
Немой в беседе круговой
Я не пленял бы остротой
И блеском выраженья!
Какой вожатый был бы я!
И четки что дорогой?
Смири свой гнев против меня,
Здесь суд не нужен строгий.
Я вижу: ум твой поражен,
Что в куще сей прохладной
Шейк рядом чашей окружен
И взор стремится к ним жадный.
Не удивляйся, знай: вино
Вливает бодрость в силы,
В болезнях талисман оно
И дух живет унылый.
Сердечны раны исцели
С прелестной грозда дщерью,
От ней уныние вдали,
С ней близок путь к веселью.
Пусть чашник, юношей краса,
Чей светлый взор как небеса
Вливает негу-сладость,
Пусть он вечернею порой
Тебе с улыбкою живой
Своей услужливой рукой
Подаст вино на радость.

При звуках сладостных певца,
Чей глас подвигнет горы,
Пей! с светлой ясностью лица!
Что слушать приговоры
Врага любви, врага забав,
Блюстителя закона!
Ты ищешь радостей, ты прав,
На вкусы нет закона!
Ристалище перед тобой,
Достичь ли хочешь цели,
Лукавства путь есть путь прямой;
По нем из колыбели
Стремись неробкою стопой,
Раскидывай тенета,
Рой ближним яму под ногой
И знай: на степени одной
И глупость, и доброта!..
Почто ж, о горе! в лучший час,
Средь лона наслаждений,
Внезапно мысль смущает нас,
Какой-то тайный гений
О жизни будущей твердит!
Почто в миг расставанья,
Когда последний вздох летит,
Послышав глас призыванья,
Слеза невольная бежит
В тоске воспоминанья!..».

– «Признаюсь, что ты красноречив», – сказал я, выслушав сии стихи: «но как тебе не стыдно преподавать уроки столь странной нравственности? Заклинаю тебе, скажи мне, кто ты?» – Я не люблю объявлять своего имени, отвечал он, но откроюсь тебе иносказательно:

Сын нужд, гоним судьбой враждебной,
Я чудо века и людей:
Аравья, Перся перемененно
Театр для хитрости моей,
Когда брат бедности стыдливой
Большой семьей обременен,
Всяк путь ему дозволен лживый,
Он может быть легко прощен».

Я понял тогда, что этот человек был Абу-Зеид, коего пороки очерняли его уже убеленные старостию волосы. Не в силах будучи

удерживать долее своего негодования, я сказал ему с видом упрека, на который имел право по прежним нашим связям: «Когда перестанешь ты вести столь бесстыдную жизнь?». При сих словах он вспыхнул от гнева; но после минутного размышления сказал мне: «Сия ночь посвящена удовольствию, я хочу провести ее за чашею вина, а не в споре; итак оставь меня: прощай, до завтра». — Тогда я удалился и провел всю ночь в одежде сетования и раскаяния, что посетил столь постыдное место, и дал обет Всевышнему (да хвала Его пребудет всегда на устах моих) никогда не вступать в дом винопродавца, хотя бы мне за сие давали целое Королевство Багдадское и обещались бы возратить мне лета моей молодости. Потом, с рассветом дня, навьючили мы наших верблюдов и отправились в путь, покинув этого неисправимого старика.

Примечания

(1). Гута Дамасская или города Дамаска, то есть, по мнению Восточных Писателей, один из четырех лучших садов, находящихся на земле.¹

(2). То есть: я радовался, что удалился из моей отчизны.²

(3). Собственно значит: признавать Бога всесовершенным; но в смысле обыкновенном оно означает четки; ибо Мусульмане, перебирая четки свои, хвалят Бога во всех Его совершенствах и припоминают все превосходные имена Его. Сих имен или принадлежностей Бога считается девяносто девять, которые с именем Аллы составляют сто; а потому и четки их обыкновенно состоят из ста зерен. См. *Herbelot. Bibliot. orient, при слове Esma.*³

Люди светские носят четки в руке или в кармане, единственно из набожности. Между знатными женщинами есть также обычай держать в руках длинные четки, коих зерна обыкновенно бывают яшмовые, агатовые, из белого янтаря или из коралла, весьма искусно выточенные. Некоторые даже перемешаны с жемчугом и украшены шариками из золотой проволоки. Женщины, так же как и мужчины, носят их для увеселения и по обычаю. Дервиши носят четки у пояса по обязанности.

*Mouradgée d'Ohsson. Tableau de L'Empire Ott. T. IV. p. 147 et 691. Chardin, édition de Langles T. VII. P. 24 et suivant.*⁴

(4). В Русском переводе сей молитвы Магометан, после имени Могаммеда, надлежало выпустить несколько неприличных выражений и нелепых похвал, которыми заблуждение и ревность изуверов превозносили Лжепророка.

(5). То есть: на его семейство и сопутников, содействовавших ему в его победах. По мнению Комментатора, первое из сих выражений означает жителей Мекки, второе Медины.

(6). Небольшой городок при Евфрате, славный своими винами.⁵

(7). В подлиннике сказано: из питейного дома; сие слово имеет корень свой в слове погибель, смерть; ибо, говорит Комментатор, питейный дом есть такое место, где теряют и деньги и честь.⁶

(8). У древних Римлян, как и на Востоке, мирт был посвящен любви и неге. Гораций, как Абу-Зеид, любил также видеть мирт в тех местах, где он пил:

Simplici myrto nihil allabores
Sedulus curo: neque te ministrum
Dedecet myrtus, neque me sub arcta
Vite bibentem
Od. XXXVIII.⁷

(9). Здесь в подлиннике собственно значит «свежесть его глаза», ибо свежесть глаза на языке Арабском означает счастье, удовольствие, радость и проч. Почти по той же самой причине вместо: «желаю вам доброй ночи» Арабы говорят: «да будет ваша ночь бела».

¹ Ныне – один из пригородов Дамаска.

В пространном варианте этот комментарий выглядит так:

«Ельгута или Гуте города Дамаска есть, по мнению Восточных писателей, один из четырех лучших садов, находящихся на земле, и принадлежит к числу Земных раев. – Гуте в первоначальном своем знаменовании есть сборное место воды и растений. Прибавьте к этому благорастворенное небо, и вы будете иметь перед собою Рай восточных поэтов. Вот каким образом знаменитый Ельбохтери рисует Дамаск и его Ельгуту:

Дамаск, о город Дамаск, прельщаешь ты дивной красотой;
Правдив, кто хвалит тебя, и лъзя ли умолкнуть о том!
Взор ищет ли светлых полей, приятно ласкающих взор, –
Смеются пред взором поля, смеется и небо кругом:
С вечерней зарей облака лежат, разбежась по горам,
С рассветом дубравы и луч пленяют в цветеньи живом.
Здесь видишь прохладу везде, все блещет серебристой росой,
Здесь свежая зелень растет, звук птиц пробуждается с днем.
Лишь знойное лето придет, мгновенно уходит оно,
И снова дыханье весны как будто бы веет потом».

² Н. Ю. Чалисова и А. В. Смирнов так комментируют этот вариант перевода в своей статье «Подражания восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики»: «Зачатки меняющегося отношения к языку оригинала заметны в переводе отрывка из арабских “Макамат” Харири, принадлежащем серьезному востоковеду Ознобишину, подписывавшему свои работы псевдонимом “Делибюрадер”. Этот филолог, изучавший восточные языки под руководством ученого муллы и принадлежавший к школе Болдырева, а также казанского востоковеда Эрдемманна, обладал несомненным литературным талантом и не побоялся выйти за рамки принятой эстетической нормы. Он в ряде случаев как бы меняет местами (по сравнению с И. С. (псевдоним этого переводчика с арабского расшифровать не удалось. – Ю. О.) и Н. Коноплевым) перевод и примечание, вставляя в текст сам образ, а под строкой растолковывая его значение.

Причем такие пояснения даются лишь в случаях, когда переводчик не уверен, что текст будет понят адекватно, в остальных местах экзотические по форме, но понятные по смыслу обороты остаются без комментариев.

Фраза “Тогда благословил я руку удаления” комментируется: “я радовался, что удалился из моей отчизны”, а предлагая обороты “мы разорвали узы препятствий”, “мое золото кажется вам только металлическим выгаром”, “рука притеснителя”, “ключи побед”, “одежда сетования и раскаяния” и т. д., Делибюрадер полагается на прозрачность читателя» (Сравнительная философия. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 269).

³ *Barthélemy d'Herbelot de Molainville* (1625–1695), Гербело Бартеlemi – выдающийся французский ориенталист, христианин, в продолжение всей жизни трудился над обширной книгой «*Bibliothèque Orientale*», или «Всеобщий словарь, содержащий все, что относится к познанию народов Востока» (Париж, 1697). В основу «Библиотеки» легла «Биографическая и библиографическая энциклопедия» хаджи Хальфы (Мустафа ибн-Абдаллах Кятиб-Челеби (около 1600–1658) – разносторонний араб-турецкий писатель-полигистор и библиограф). Ознобишин, скорее всего, ссылается на издание книги Гербело в трех томах «*Bibliothèque Orientale, ou Dictionnaire Universel*» (1776), статья «*Esmā*», расположена в т. I на с. 658–659).

⁴ *Mouradgēa d'Osson* (правильно – d'Ohsson). *Tableau de L'Empire Ott.* t. IV. p. 147 и 631. (*Mouradgēa d'Ohsson, Ignatius* (1740–1807), шведский ориенталист, автор книги «*Tableau Général de l'Empire ottoman*» (Paris, 1788). Chardin ed. de Langles t. VII. p. 24 (Имеется в виду книга французского путешественника Жан Шардена (фр. Jean Chardin; 1643–1713), первый том которой вышел в 1686 г. сразу в трех европейских столицах: (Jean Chardin. *Journal du voyage du Chevalier Chardin en Perse*. Amsterdam: Jean Wolters & Ysbrand Haring; Paris: Daniel Horthemels; London: Moses Pitt., все сочинение было издано лишь в 1711 г. в Амстердаме под заглавием: «*Journal du voyage du chevalier Chardin en Perse et aux Indes orientales par la mer Noire et par la Colchide*», с рисунками Грело. Лучшее издание в 10 т., с примечаниями Лангlesa и атласом рисунков, вышло в 1811 г. – именно на него, судя по всему, ссылается Ознобишин).

В пространном комментарии добавлен еще один абзац: Мураджа д'Оссон повествует также, что когда в 1039 г. бегства, при Мураде IV, от наводнения (как весьма часто и прежде) повреждено было строение Каабы, вынули из оной три старых столба из черного дерева и переделали их в четки для набожных Мусульман-молельщиков. Им дали название трех столбов, Ганнан, Меннан, Дежжан, т. е. Умиловивляющий, Милосердный, Судия; и таким образом именуются все четки, ежегодно продаваемые в Мекке.

⁵ В пространной версии указан источник информации – Г. Тасси (Т. е. Гарсен-де-Тасси, Жозеф (Garcin de Tassy) – французский ориенталист (1794–1878). Еще на родине, в Марселе, усвоил себе разговорный арабский язык, потом изучил под руководством Сильвестра де Саси другие восточные языки. Состоял в Париже профессором индийской литературы. Кроме многочисленных переводов с арабского, персидского и турецкого, им изданы: «L'Islamisme d'après le Coran» (3-е изд., 1874); «Histoire de la littérature hindoue et hindoustanie» (2-е изд., 1871); «La langue et la littérature hindoustanie» (2-е изд., 1874); «Cours d'hindoustani» (1870); «Rhétorique et prosodie des langues de l'Orient musulman» (2-е изд., 1873).

В библиотеке Ознобишиных сохранилось издание: Hai^{*} dar, Bakhsch Muhammed. Les S'eances | de Hai^{*} dari, r'écits historiques et elegiaques sur la vie mort des principaux martyrs musulans,| ouvarge traduit de l'hindoustani, par l'abb'e Bertrand, De la Soci'et'e Asiatique de Paris; suivy de L'Elegie de Miskin,| traduite de la meme langue par M. Garcian de Tassy. Paris: Benjamin Dupart, 1845.

⁶ И здесь в пространной версии комментариев в качестве источника информации назван тот же Г. де Тасси.

⁷ В пространной версии уточнено: «в местах, посвященных удовольствию» и кроме номера указан том оды Горация. – L. 1.

ЛЮБОВЬ

Халиф Абдольмелек, сын Мервана, поручил наместнику своему, Гедшаджу сыну Юсуфову, прислать к нему трех прелестнейших невольниц, каких только он найти может. Гедшадж обратился с своею просьбою к трем Продавцам невольниц, знаменитейшим в целом государстве, которые, лишь только отыскивали красавиц, немедля их к нему представили. Здесь следует описание их наружности, посланное Гедшаджом к Халифу. Описание сие, сохраняемое в тайных Архивах Халифатства, дошло и до нас.

Первая имеет сверкающие глаза, нежно-округленные руки. Юные перси ее возникают и развиваются подобно розовой почке в первые дни весенние; ее ноги блистают, как полированный алебастр в сиянии месяца; она белее чистейшего серебра.

Вторая – образец прелестнейшей соразмерности всех членов. Сладостные звуки ее голоса могли бы излечить больного и даже мертвого пробудить к жизни. Привлекательная смуглянка.

У третьей очи серны, цвет лица, не уступающий розе, стан кипариса, благоухание Мускуса; волосы темнее черного дерева, зубы светлее слоновой кости. Ресницы ее кажутся вооружены стрелами, проникающими в глубину сердца; а пятнышко, темнеющее на ее щеке, подобно семени жизни на блистающей ниве Эдема.

Гедшадж, по свидетельствованию и описании сих трех невольниц, отослал их обратно к продавцам с приказанием в совершенной сохранности доставить их к Халифу. Один их трех купцов, дряхлый и немощный, просил увольнения от его путешествия и вместо себя предложил своего сына, на что Гедшадж охотно согласился. Дорогою ветерок раскрыл на минуту занавес носилок, и юноша в это мгновение смертельно влюбился в красавицу, от отца ему вверенную. Упоенный страстью он запел:

Стрела любви сквозь дымку покрывала
Сыскала путь,
Вонзилась в грудь,
А сердце болью истерзала.
Так часто, сквозь завесу туч,
Лик солнца в небесах сияет,
А знойный луч
Земное лоно раздирает.

Неизъяснимо-сладостный голос ответствовал из носилок:

Изменчив день!
Завистников опасны очи;
Их все страшит и самой дружбы тень:
Вверяй все тайны только ночи.

Юноша понял знак и хотел им воспользоваться, как только будет темнее. Он покусился было увести свою красавицу; но был открыт и пойман своими спутниками, которые привязали его к верблюду и, в таком виде, как преступника везли до самого Двора Халифа.

Сын Мервана велел представить себе невольниц и прочитал в то же время их описание, посланное к нему Гедшаджом (1). Касательно двух первых все было в совершенной точности, даже до малейшего волоса; но третья не имела, как сказано было в письме, цвета розы, но была бледно-лилейная.

От чего это? спросил разгневанный Халиф у продавцев невольниц. Они бросились к ногам его и, выпросив наперед помилование, рассказали потом любовное приключение юноши. Гнев Халифа обратился в участие и сострадание. Вместо того чтобы наказать любовника за нарушение его приказаний, он подарил ему невольницу со всеми ее убранными.

Влюбленные были вне себя от радости и восхищения. Они провели целую ночь в очаровательных наслаждениях. Поутру нашли их

обоих мертвыми в объятиях друг друга; – избыток страсти погубил их! Доложено было о сем Халифу, который немало удивился сему чрезвычайному приключению и никак не мог постигнуть, чтобы можно было умереть от любви (2).

Примечания

(1). Геджиадж, или Гедшадш бен Госиф аль Такефи, один из храбрейших и красноречивейших полководцев времен Халифатства. Халиф Абдаль Малек, пятый из поколения Оммиадов, сделал его правителем Аравии и Ирака Аравийского после победы, которую сей военачальник одержал над Абдаллою бен Цобаиром, принявшим титул Халифа. Он был чрезвычайно строг и даже почитался жестоким: рассказывают, что он казнил до 120 000 человек, и когда он уже умер, то находилось в темницах до 50 000. Впрочем, при всей строгости он любил остроумные ответы и при этом случае прощал даже сделанные собственному лицу его обиды. – Кумеиль, сын Циада, человек живого и блестящего ума, жил во время Гедшиадша и порицал его правление. Гедшиадш в один день велел его к себе представить и начал упрекать ему, что в таком-то саду, при таких-то особах, которых он ему наименовал, он многократно осыпал его проклятиями, говоря: «Да очернит Господь лицо его, то есть да будет он покрыт стыдом и смущением; да отсекут ему шею, и да будет пролита его кровь». – Кумеиль, никогда не терявший присутствие духа, отвечал ему немедля: «Это правда, что я сказал сии слова в таком-то саду; но я сидел в то время под виноградными лозами, и глядел на виноградные гроздья еще незрелые, и желал, чтобы они скорее почернели, чтобы их можно было обрезать и приготовить вино». Это остроумное истолкование так понравилось Гедшадшу, что он освободил Кумеиля от всякой ответственности и остался по-прежнему к нему благосклонным. *Гербелот.*

(2). На Востоке есть много знаменитых любовников, прославленных Поэтами. Существовавшие из них: Юсуф и Зюлейка, Меджнун и Леила, Хозру и Ширин, Джемиль и Шанба.

Персидский роман, описывающий в стихах любовь двух последних, повествует, что они были родом из Аравии и что Абдальмалек, слышав о них неоднократно, полюбопытствовал видеть Шанбу; найдя ее черною и худощавою, он, будучи сам хорошим Поэтом, произнес ей следующие стихи:

Я здесь не вижу красоты,
Которой мог Джемиль плениться!
Прекрасных много; в блеске ты
Не можешь с ними и сравниться:
Худа лицом и так черна
Ты не прекрасна, а дурна.

Шанба, одаренная пылким умом и сама отличная стихотворица, почитая себя оскорбленную сими стихами, произнесла немедля:

Зачем народами почтен
И признан ты от всех Владыкой?
Тот только истинно великий
С душой прекрасной кто рожден,
В ком как алмаз горит она,
Сияя блеском без пятна.

Халиф, удивленный таким свободным и умным ответом, похвалил разум Шанбы и, наградив ее значительными подарками, отпустил к ее любовнику.

ВОР

На пути моем в пустыню поколения Бенисаада (1), рассказывал Асмай, заехал я в Бассору, в то время управляемую Халедом, сыном Абдаллы Алькабзери. – Вся площадь усеяна была народом, который теснился вокруг прекрасного и величественного юноши. Я попытствовал узнать причину такого многолюдного собрания, и мне сказали, что судят вора, который в прошедшую ночь закрался в один дом и был там пойман. Я вмешался в народ и увидел, как Халед, наместник Бассоры, ласково взглянул на юношу, потом велел толпе удалиться, чтобы одному лучше суследовать (так! – Ю. О.) вину его. – Все справедливо, что ни говорят они, – отвечал юноша, – и случилось совершенно согласно с их рассказами. – Что же могло побудить тебя сделать такой проступок: – твоя благородная и прекрасная наружность, кажется, изобличает во лжи доносителя. – Сильное желание прибрать богатство и предопределение свыше ввели меня в это искушение. – Твой вид, способ твоего изъяснения – все говорит в твою пользу и час от часу утверждает меня во мыслях, что ты, без сомнения, по какой-либо чрезвычайной нужде прибегнул к столь постыдному

пособию. – Не старайся спасти меня, Государь! Исполни предписанное законами. Суди меня по делам руки моей; всемогущий Алла никогда не бывает несправедлив к рабам своим! – Халед умолк и после долгого размышления сказал: – Даю тебе полную свободу переменить перед свидетелями твоими показания; я не могу почесть тебя вором. Доверь только мне свое приключения, на мое молчание ты наперед можешь положиться. – Не воображай себе ничего другого, Государь, кроме того, что я пред сим только объявил и в сем сознался тебе; ничего другого не могу я доверить. Я тайно закрался в дом, меня схватили и представили к тебе для получения заслуженного мною наказания. – Халед приказал страже взять его и обнародовать сделанный им проступок. Тогда публичные вестовщики начали провозглашать по всем улицам Бассоры: Кто хочет видеть наказание, законами определяемое за воровство, пусть приходит завтра на площадь судилища, где будут отсекал руку, покушающуюся овладеть чужим достоянием.

Когда на Юношу наложили оковы, то стражи услышали песню, которую он пел в темнице:

Не страшат меня угрозы,
Руку отсеки, Халед!
Мне ль ронять над нею слезы? –
Нет, исполню мой обет!
Не узнаешь, что таится
В скрытой сердца глубине; –
Пусть мучение свершится,
Пусть лишь стыд обременится
Не на милой, а на мне!

Перенесли слова сии наместнику, и сей велел уже поздно вечером призвать к себе юношу, желая снова переговорить с ним. Он нашел, что умственное образование его соответствовало его наружному виду и что он был сведущ во всех изящных искусствах.

– Юноша! – сказал Халед, – я убежден, что ты не преступник и твое воровство имеет другую побудительную причину. Завтра, когда в последний раз выступит доноситель и судьи в последний раз произнесут приговор твой, можешь ты еще спасти себя, если только представишь правдоподобное извинение, дозволенное законами; сам пророк говорит: «Наказание отклоняется сомнением». Потом он снова послал его в темницу.

На следующее утро собралась вся Бассора на площадь судилища, чтобы видеть исполнение приговора. Халед и знатнейшие из жителей прибыли верхом на арабских конях, судьи следовали за ними на лошадях богато убранных. Юноша приведен был в оковах, и глаза всех женщин при взгляде на него наполнялись слезами. Слышны были вокруг одни только вздохи и рыдания. Халед был вынужден дать повеление, чтобы все замолчали, и потом обратился к юноше с следующими словами: – Сии люди сострадают о тебе из заблуждения, думая, будто ты действительно виновен в воровстве; не имеешь ли ты чего возразить на это? – Они правы, Государь, я вошел в дом с намерением сделать покражу. – Не понудил ли тебя к этому какой-либо особенный случай? – Ничто особенное не понудило меня. – Может быть, ты имел справедливые притязания на самого владельца дома? – Никакого! – По крайней мере, ты имел помощников, разделявших с тобою вину воровства? – Никого, я один во всем виновен. – Рассерженный Халед ударил юношу по щеке и дал знать палачу, чтобы он отсечением руки исполнил узаконенное наказание. Уже лежала рука юноши, простертая на плахе, уже сабля палача поднята была для нанесения удара, как вдруг с воплем и рыданием вырвалась из толпы прелестная девушка. Она сбросила назад свое покрывало, и миловидное лицо ее засияло как полный месяц среди дождливых облаков. Лишь только она появилась, повсюду раздались восклицания. – Останови, останови, Государь, исполнение приговора, останови, и прочти прежде эту просьбу. – При сих словах подала она ему бумагу, на которой были написаны следующие стихи:

Остановись, Халед! ты обольщен!
Стрелой очей моих он был пронзен,
Виновна я одна, – невинен он.
Узнай, любовь владеет им вполне,
Он тайну скрыл души во глубине,
Он вором стал лишь из любви ко мне.

Халед прочел стихи с живым участием и велел призвать к себе девушку, чтобы подробнее узнать от нее все приключение. Она объявила, что юноша сгорает к ней с давнего времени любовью, на которую и она отвечает взаимностью. Три дня тому назад закрался он в дом ее и, бросая камушки, подавал ей условные знаки. Отец и братья заметили это и немедля начали делать свои поиски. Юноша, не имея возможности спастись бегством, схватил несколько вещей, которые ему первые попались под руку, желая лучше чтобы его поймали, наказали как вора;

нежели подвергнуть худой славе имя своей возлюбленной. Халед, восхищенный возвышенным образом мыслей и благородным великодушием юноши, поцеловал его в чело и велел призвать отца девушки и сказал ему: – Шейх! я был готов совершить несправедливый приговор над сим юношей. Всемогущий предохранил меня от этого; даю ему десять тысяч диргемов (2) из казны моей и прошу только у тебя дозволения соединить его с твоею дочерью. – От всего сердца, Государь, – отвечал отец девушки. Халед поблагодарил его за это и приступил немедля к браку со всею торжественностью и по употребляемому обряду.

«Соединяю тебя с сею девицею, – сказал он, – по ее и отца ее воле; она приносит тебе приданого десять тысяч диргемов». И юноша отвечал по обычаю: «принимаю девицу сию в жены со всем поименованным имуществом».

Халед немедля повелел отсчитанные деньги в серебряных сосудах перенести в дом юноши. Вся Бассора была в упоении радости. Где счастливая чета ни проходила, осыпали ее из окон конфетами и миндалем, и день окончился столь же радостно, как сперва начался было печально.

Примечания

(1). Бенисайд; бену или в род. пад. бени, суть множественного числа арабского, означающее: дети или потомство чье-либо. *Гербелот*.

(2). Дирг или Диргем. Серебряная монета, обыкновенно в цене двух пенсов (на вес Английского стерлинга). Сия монета имела первоначально вид финиковой косточки: она получила круглую форму в Халифатство Омара; а во время Зобеира по ней чеканили слова «Алла» (Бог) и «беркет» (благословение). См. *Rousseau a Dictionnary of Mohamedan Law, Bengal revenue terms, Shanscit, Hindou, and other Words*.¹

Диргем, или лучше, полтора Диргема весят мицкаль или драхму, так что их заключается двадцать в унции, состоявшей из восьми драхм. Диргем весит также двенадцать карат, и весьма часто принимается за мелкую медную монету. Геджадж, Правитель Ирак Арабии, первый приказал выбивать серебряные диргемы, с надписью: «Алла Самад – Бог непоколебим». *Гербелот*.

¹ Имеется в виду книга: *Rousseau Samuel. A dictionary of Mohammedan law, Bengal revenue terms, Shanscrit, Hindoo, and other words, used in the East Indies : with full*

explanations; the leading word of each article being printed in a new Nustaleek type. To which is added, an appendix, containing forms of firmauns, perwanehs, arizdashts, instruments and contracts of law, passports, &c. Together with a copy of the original grant from the Emperor Farrukhseer to the English East India Company, in Persian and English. London : Printed for J. Sewell [etc.] 1802. По свидетельству словаря Брокгауза и Ефрона, «Руссо Самуэль (Rousseau, 1765–1820) – английский ориенталист. Его труды: “The flowers of persian literature, in prose and verses” (Л., 1801), “Dictionary of mohammedan law” (1802), “Persian and english vocabulary” (1802), “The book of knowledge” и др.».

ПРИМИРЕНИЕ

В одну ночь Гарун Рашид не мог закрыть ни на минуту глаз своих. Он встал с постели, переходил из одной залы в другую, бросался то на ту то на другую софу; все напрасно, это была одна из тех бессонливых ночей, которые Халиф имел весьма часто, и в кои он обыкновенно заставлял себя рассказывать повести, не с тем, чтобы прогнать сон; но более для того, чтобы приманить его. Перед утром велел он позвать к себе Асмая, Гуссейна и Альхали, трех первых рассказчиков повестей двора своего, и приказал им что-нибудь рассказать ему для наведения или прогнания сна. Гусейн начал следующим образом:

В один жаркий летний день прогуливался я по улицам города Бассоры и, утомясь ходьбою, присел у дверей большого дома. В переднем дворе увидел я девушку как Аниль прекрасную, одетую в платье из розоцветной кисеи, сквозь которую белоснежные груди ее выказывались, как ясный день в сиянии зари утренней. Два бриллианта висели в серьгах ее подобно капелькам росы на листочках розы. Она одна прохаживалась по комнатам, и всюду за нею распространялись благоухания. Я попросил ее дать бедному страннику, изнемогающему от жажды, несколько капель воды. – Не этой ли воды хочешь ты, – сказала она, отирая слезы на глазах своих.

Я спросил о причине слез сих. – Ах, – сказала она вздохнувши, – я люблю и не имею никакой надежды быть взаимно любимой! – Где то каменное сердце, – воскликнул я, – которое может быть нечувствительно к таким прелестям! – Ты увидишь его; он скоро пройдет мимо нас. – При сих словах слезы ее полились сильнее. – Каждое утро, – сказала она, – только что солнце катится из-за гор, покидаю я уединенное ложе мое; я думаю, что сей блеск, ослепляющий очи, рождается от лица моего возлюбленного, и в сих мыслях провожу целые дни в безумии. – Ты приводишь меня в жалость, бедная девушка, ро-

зы ланит твоих увядают, красота твоя блекнет; без несчастной твоей любви ты была бы первою красавицею между прелестными девами Бассоры. – Ах, я была ею в счастливые дни моего равнодушия. Все знатные и Князья Бассори влюблялись в меня, пока наконец я сама не полюбила одного юношу. О, навсегда блаженны те дни, когда он любил меня! – Разве он тебя не любит и что произвело в нем такую перемену? – Однажды резвилась я, как дитя, с одною подругою; мы прыгали, бегали, делали тысячу глупостей, как вдруг случайно обе упали на землю. Она обняла меня своими руками и в шутках поцеловала, как вдруг взошел мой любезный. Негодуя на то, что он видел, убежал он как дикий жеребенок, послышавший звук узды, и с тех пор уже не являлся ко мне. Он не видит меня, не говорит со мною и ни слова не пишет. – Прирожденный ли он Араб или Перс? – Он один из князей Бассоры. – Молод или стар? – Какой вопрос! В цвете юности. – Имя его! – Скажу его тебе только с условием, если дашь мне обещание доставить к нему письмо. – Охотно, весьма охотно. – Имя его: Замра, сын Могаира.

Она приказала подать себе чернила, перо и бумагу; отвортила рукав одежды на среброцветной руке своей и написала: «Повелитель мой! Не начинаю письма моего приветствием, напечатлеваю поцелуй на челе оного и орошаю его моими слезами. Ты сделал мне ужасную несправедливость; дозвожь, чтобы податель этого письма открыл тебе всю истину: Дни мои истлевают в пыли всеистребляющего огня, ночью же, напротив, я плаваю в слезах моих. Сжался надо мною; приди увидеть ту, которая желает тебе всякого благополучия и для которой нет никакого вдали от тебя».

Я взял письмо и пошел с ним в дом Могаммеда сына Сулеймана, где в то время находился Замра. Когда все общество разошлось, я ему отдал письмо. Он взял его, прочел и потом передал прекрасной невольнице, подле него сидящей. Сия последняя побледнела читая, встала и мгновенно скрылась. Когда она ушла, я начал представлять молодому человеку, как неосновательно было его подозрение, и вот ответ, который написал он к своей любезной.

«Во имя Бога, милосердного и всеблагого. Да простит Он мне несправедливость, мною тебе сделанную; прости оную и ты раскаявшемся, готовому лететь в твои объятия, чтобы найти блаженство, которое он посылает к тебе сими строками» (1).

Они примирились. За мое посредничество получил я великолепный подарок и еще несравненно прекраснейшую награду: их Дружество и Благодарность.

Примечания

(1). Во имя Бога милосердного и проч. Такова обыкновенно форма, которою начинаются не только письма, но и книги на Востоке.

Немногим известны обычаи, употребляемые на Востоке в рассуждении писем. Если Восточные жители превосходят нас в приветствиях на словах, то не менее отличаются и различными способами, какими выражают сии приветствия на бумаге. – Первая вежливость, какую они наблюдают в своих письмах, заключается в бумаге, для сего предмета употребляемой: она должна быть белая и расписана золотыми цветами; вторая: имя той особы, к которой пишут, должно быть, равно как и названия ее, изображено цветными или золотыми буквами; третья: должно оставить пробел в половину листа; четвертая: заключается в приложении печати, которая заменяет самую подпись: глубочайшее уважение требует, чтобы печать была приложена на обороте письма, внизу, в уголке, и чтобы она находилась так близко к низу, чтобы не вся выходила, а только одна часть ее: это означает: Я не достоин показаться пред вами; Я не смею, из уважения, показаться в присутствии вашем. Есть три места, в которые обыкновенно прилагают печать: если пишут равный к равному, то ее прикладывают к углу правой стороны, по нашему обычаю, которая означает левую по мнению и способу письма жителей Востока; но если это от старшего к низшему, как, например, от начальника к подчиненному или от господина ко слуге, то печать прикладывается сверху; если же это от низшего к высшему, то ставят ее на обороте, как сказано было выше. Последняя степень учтивости заключается в обертке; самый вежливый способ – вложить письмо свое в кошелек, перевязанный золотом и шелком, с маленькими кисточками, из них же сделанными, и потом приложить на оном печать из сургуча. *Chardin*. Можно также заключить, что на Востоке исписать обе страницы листа почлось бы за величайшую невежливость.

У Персиян есть три суеверных обыкновения, наблюдаемых ими при письмах; в них они и сами не могут отдать отчета, по крайней мере хотя несколько правдоподобного. Первое: они обрезают правый уголок листочка ножницами, так что это выходит уже не четвертушка, но пятиугольный листок. Это, говорят они, делается для того, чтобы показать, что все наши произведения, равно как и действия, наполнены недостатками, ошибками. Второе: на письмах, которые они вкладывают в бумажную обертку, пишут они три раза подле печати слово

Катим, слово, не имеющее никакого значения. Они утверждают, что это имя собаки семи спящих Асхаб Каф, т. е. товарищей пещеры. И что сия собака покровительствует письмам. Они говорят, что когда Бог принял сих спящих в рай, то сия собака привязалась к платью одного из них. Бог, увидя ее, сказал: «Катим, как ты зашла сюда? Я тебя сюда не брал, однакож и выгоню; но чтобы ты здесь не была понапрасну, равно как и Господа твои, то отныне под твоим покровительством будут все письма, и ты будешь охранять котомку вестников во время сна их».

Третье обыкновение: они никогда не отдают руками писем людям высшим или равным себе; но кладут перед собою на колени; а когда отдают их носильщикам, курьерам или другим людям низшим себя, то издали их бросают. Это их постоянный обычай, и самые даже суеверные не могут сказать причины, почему так, а не иначе делают. При этом случае, равно как и во многих других, они говорят: Када аст, таков обычай. *Гербень*.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДРУГИМ ПОВЕСТЯМ, ОПУБЛИКОВАННЫМ В ДВУХТОМНИКЕ ОЗНОБИШИНА

К ПОВЕСТИ «СПОР»

(1). Гарун аль Рашид, правильно Гарун Аррешид, пятый Халиф из дома Аббасидов, родился в Рен, в 148 году Геджры (765–6 от Р. Х.). До восшествия своего на престол прославился он многими победами, одержанными им над греками Римской Западной Империи. Как Халиф с 170 года (14 сентября 786) не обманул он того доброго мнения, которое возбудили о нем его первые предприятия. Он усмирил взбунтовавшиеся провинции, наградил своего наставника Ягхиа Бармекида, которому он был весьма во многом обязан; но впоследствии с величайшею жестокостью казнил его (792). Западная Римская Империя, отказываясь платить возложенную на нее дань, чрез то неоднократно подавала случай Халифу обнаруживать свое могущество для приведения ее снова к повиновению. (Он владычествовал над большею частью Азии, Африки и Европы, от Испании до Индии.)

Гарун отправлял посольства к Карлу Великому (807), и в Королевской Парижской библиотеке хранится еще шахматная доска, которую он прислал в подарок сему Государю.

Халиф покровительствовал искусству и науке, которыми и сам занимался не без успеха. – Он умер в Тусе, на 193 г. Геджры (24 марта 809). Его упрекают во многих коварных поступках. *Лангре*. Аррашид значит прямой, справедливый.

(2). Халиф. По смерти Магомеда (634 от Р. Х.), принявшего титул Халифа (Наместника) Божия, избранный Мусульманами тесть его Абубекер назвал себя Халифом Пророка и прибавил к этому: Эмир ель Муменин, т. е. Повелитель Правоверных. (От этого наш адмирал от Эмир Альбахар – Повелитель Моря.)

Сей титул сохранили все последующие властители Ислама, в продолжение шести первых столетий Геджры. *Готье*.

(3). Асмай. О сем Писателе, Поэте и Повествователе, приобретшем имени своему народную славу и игравшем весьма важную роль при дворе Гаруна Аррашида, часто упоминает Гарири. На него весьма часто ссылаются в особенности Арабские народные предания. *Рюкерт*.¹

Асмай было также прозвище Абусаида Абдальмелека бен Кораиба род. в 122 г. Геджры и умершего в 215 или 16, в Халифатство Аль Мамука. Он был один из знаменитейших ученых Мусульманских, отличный грамматик и оратор; был весьма сведущ в приданиях и знал совершенно Коран; сии-то достоинства были виною избрания его в учителя Гарун ар Рашиду. *Гербелом. Bibliothéque Orientale*.

(4). Басра, Бассора, Бальзора – два последние названия суть позднейшие наименования сего города, лежащего при р. Тигр, в расстоянии полтора дня от города Абадана, находившегося при устье сей реки у Персидского залива. Почва земли там песчаная и каменная, не производящая никаких произрастаний; ибо там не бывает дождя; но вблизи оного находится маленькая речка, протекающая близ города Обола и производящая такое удивительное изобилие в плодах на долине, ею орошаемой, что Арабы причисляют место сие к четырем раям Востока.

В Бассоре находится также площадь, называемая Мербад, на которую некогда собирались Арабы, не для одной торговли, но для чтения отличных произведений красноречия и поэзии; это самое произвело в сем городе весьма много отличных людей, знаменитых в Литературе Арабской. *Гербелом*.

(5). Буквы почерка письмен, употребляемого ныне Арабами и называемого ими Несхи, был изобретен в начале IV столетия Геджры: оный употребляется и в наших типографиях. До того времени Арабы употребляли другие буквы, называемые нами Куфическими, от города Куфи, где, как должно думать, впервые начали употреблять его. Сие

древнее письмо имеет большое сходство с древними сирийскими письменами, известными под именем *estranghélo*; так что нельзя даже сомневаться в том, что Арабы заняли оное у Сирийских народов; это, впрочем, подтверждается и некоторыми историческими преданиями. *Silvestre de Sacy*.

Письмена Куфические, употребляемые ныне только в Варварских владениях, но и там уже с некоторою переменою, постепенно изменялись и совершенствовались. Абд ель Гамид Ягия, писатель знаменитый, живший в царствование Халифов Оммиадов, первый преобразовал их и считался самым щеголеватым писцом своего века; по сему случаю сказано:

Письмо арабское возникло при Абд ель Гамиде,

Но доведено до высшей степени совершенства Ибн ель Амидом.

После него следовал Абу Али Магомед Бен Али Бен Гасан, Ибн Мокла, проименованный Ваде Катт, т. е. изобретатель письма. Он придал им форму более красивую и округлую, довольно близкую к той, которую мы теперь употребляем. (Куфическое же письмо все, однакож, было употребляемо на надписях и монетах и не прежде было оставлено как уже около четырнадцатого века от Р. Х.).

Абу-ль-Гасан Али Бен Гела, известный более под именем Ибн Бавваб, дал каждой букве более отличный признак; после него Якут, проименованный Мостаземи (он служил при Мостаземе, последнем Халифе поколения Аббасидов), сделал некоторые перемены и дал им постоянную форму) от сего и получил он прозвище Аль Каттат, т. е. отличнейший писатель.

Сие письмо впоследствии послужило основанием другому гораздо позднему, но весьма много с ним сходному. Это образ письма или почерк, именуемый Несхи, т. е. письма, служащие для переписывания, – действительно оное употребляют для списывания Корана и других драгоценных произведений. *Гербелот*.

(6). Шейх означает на языке Арабском – Ученый, Доктор. Шейхи созерцательных, каббалистических наук на Востоке столь горды, что требуют уважения от самих Государей, и в самом деле оного удостоиваются.² *Готье*.

Шейх значит также Учитель или истолкователь закона; в особенности служит названием и для некоторых духовных особ, проповедующих в мечетях. *Лангле*.

(7). На Востоке вместо перьев употребляют маленькие тросточки, именуемые Калам (лат. *calamus*). Сии тросточки получают из города Хелла: их сеют в болотах, образуемых Тигром и Ефратом. По окончании жатвы сих тростей их мочат связками в том же болоте, как мы делаем это с нашими Коноплями, – это придает им темноватый цвет поблекшего мира; будучи высушены и приготовлены, они имеют довольно твердости для письма. Хотя они гораздо толще наших перьев; но, будучи очищены (в то время очищают всю находящуюся в них сердцевину), имеют довольно тоненькую кору, которая, однакож, достаточно тверда. Впрочем, так как бумага чрезвычайно гладка, то и нет надобности слишком налегать на них: от того они и ломаются весьма редко. Каламы сии бывают разной величины, смотря по толщине букв, которые начертать желательны. *Гербелот*.

На Востоке употребляются также чернила всех цветов, голубые, красные, зеленые и проч. и особенный род золотых чернил весьма красивых, называемый ими Ма ед-дегеб т. е. золотая вода. *Гербень*.

¹ Возможно, имеется в виду *Фридрих Рюккерт* (нем. Friedrich Rückert; 1788–1866) – немецкий поэт, переводчик и ученый, профессор восточной литературы в Эрлангенском и Берлинском университетах, задавший целью познакомить немецкую публику с произведениями восточных литератур. Его переводы или перделки «Наля и Дамаянги» (1845), «Рустема и Зораба» (1846), «Превращений Абу-Саида» (1844), «Гамаза» (1846), муаллаки Кааба бен Зогефра («*Hamâsa*» см. VIII, 52) не утратили значения и в наши дни. Перевел на немецкий язык также Коран и «Макамы» аль-Харири. После смерти Рюккерта были изданы также его переводы из Саади, Фирдоуси («Шах-намэ»), Калидасы; «Наль и Дамаянги» и «Рустем и Зораб» переведены В. А. Жуковским с немецкого перевода Рюккерта.

В библиотеке Ознобишиных Рюккерт представлен изданием: *Hamasa oder die altesten arabischen Volkslieder, gesammelt von Abu Cemmam; übersetzen und erläutern von erläutert von Friedrich Ruckert. In zwei Theilen. Erster – Theil. – Stuttgart: Velag von Samuel Gottlib Liesching, 1846.*

² В библиотеке Ознобишиных есть книга: *Gautier A. Introduction au magnetisme: examen de son existence depuis les Indiens jusqu'à l'`époque actuelle, sa theorie, sa pratique, ses avantages, ses dangers, et la necessite de son concours avec la medicine / Par Aub. Gautier. Paris Dentu; chez Germer-Bailliere, 1840.*

К ПОВЕСТИ «ЗОЛОТАЯ МОНЕТА»

Предлагая читателям нашим две Макамы или Беседы Гарири, мы почли нужным сообщить несколько биографических сведений о знаменитом сочинителе оных, одном из труднейших для уразумения из писателей арабских. Сведения сии заимствованы нами преимущественно из сочинений Барона Сильвестра де Саси, который в недавнем времени издал вполне весь подлинник сего труда, поистине драгоценного, и тем приобрел новое право на признательность просвещенных Европейцев. Ни одно сочинение не может так хорошо познакомить нас с духом и характером нынешних обитателей Аравии, как сии Макамы. Здесь мы находим араба в кругу его домашней жизни, посреди шума многолюдного города или вместе с караванами проходящего безводные степи; перед судилищем Кади; в приятной дружеской беседе; в смиренном безмолвии мечети; в торжестве праздника Бейрама; одним словом, где только Гарири ни вводит свои действующие лица – мы, кажется, с ним странствуем; – так живо, с такою точною подробностью сохранены в повестях его личность, нравы, обычаи! – Ни одно сочинение, сказал я выше, в этом отношении для нас так не важно, как сии Макамы; и самая «Тысяча и одна ночь» – сия цветущая картина времен Халифатства, – должна уступить им во многом – даже и в изобретении. Хотя она представляет также верный очерк того же времени, – известно, что и Гарири жил во время царствования поколения Аббасидов, коих потомок Гарун Рашид играет столь важную роль в 1001 ночи; – но в ней весьма часто чудесное сливается с истинным, и нередко столь искусно, что трудно указать их подлинные границы; иногда же сие самое чудесное есть главная основа всей повести; укажу на одну из известнейших: Рыцарь Хадиб; и от этого для нас, взыскательных аристархов глубокомысленного XIX века иного интереса, уже потеряно. Может быть, и Ариост, сей Протей поэзии, неизвестно почему называемой Романтическою, теперь не включил бы в прелестную поэму свою воздушной поездки Астольфа за умом неистового Орланда! Привыкшие к математическим расчетам жизни, мы хотим, чтобы такая же строгая отчетность, какая господствует в логических произведениях ума, являлась в цветущей области Литературы; – требуем, чтобы поэзия, отбросив в сторону несбыточные, но при всем том нередко первые арабские воображения, прилеплялась только к естественному и возможному – все чудесное в глазах наших есть не что другое, как блестящие видения фантазмагии, которыми могут толь-

ко очаровывать ум ребенка, своими светлыми и живыми красками; ребенка, который с такою же страстью преследует пестрого мотылька, с каковою мы стремимся за нашими наслаждениями, и подобно ему, хватая искусственную картину или дотрагиваясь до цветных крыльев бабочки, превращаем все очарование наше в неуловимую тень и ничтожную пыль.

Сие чудесное, заметим мы, совершенно изгнано из Макам Гарири. Основа их чрезвычайно проста. Главный герой Абу-Заид, уроженец города Серуджа, который стихотворным талантом своим снискивает себе пропитание, странствуя по различным городам Азии и Африки; принимает различные виды и пользуется всеми утонченностями языка, чтобы достигнуть своей цели, скрываясь всегда под личиною неизвестности и только под конец давая знать себя. Пятьдесят различных приключений, с ним случившихся, составляют число глав сего сочинения. Другое лицо, почти столь же важное, есть Гарет бен Геммам из Бассоры, Рассказчик всех Макам, и без сомнения не кто иной, как сам Сочинитель, скрывший себя под сим Аллегорическим названием; ибо Гарет бен Геммам означает: Снискатель, сын Заботы.

То, что рассказывает Гербелот о сем писателе, весьма кратко и недостаточно; но в Биографии, сочиненной Эбн-Хильканом и переведенной Сильвестром де Саси, мы находим много интересных подробностей, которые, полагаем, будут приятны и для наших читателей:

«Абу-Могаммед Касем бен-Али, бен Могаммед, бен-Отман Гарири Басри Гарам, сочинитель Макам, был один из знаменитейших ученых людей своего века. Он получил от природы особенный дар для сочинений сего рода. Его Макамы заключают в себе большую часть сокровищ Языка Арабского, его диалектов, пословиц и выражений иносказательных. Тот только, кто их исследовал вполне, обратив на сие все внимание, каковое они заслуживают, может составить для себя понятие о даре сего писателя, великой его начитанности и глубине его познаний. Вот по какому случаю, если верить словам сына его Абуль Касема Абд-аллы, Гарири решился написать сии Макамы. Отец мой, рассказывал он, сидел однажды в мечети с некоторыми особами из поколения Бену-Гарам, когда взошел в нее старик, прикрытый двумя ветхими лохмотьями, со всеми нарядами путешественника и по наружности весьма бедный. Он говорил очень легко и выражался с особенною приятностью и весьма красноречиво. На вопрос присутствовавших, откуда он, старик отвечал, что он из Саруджа: ко-

гда ж захотели узнать его имя, он сказал, что его зовут Абу-Зеид. При сем случае отец мой сочинил беседу под заглавием: Гарамийя; которая есть 48^я в его собрании, и выдана им под именем этого Абу-Зеида. Сия Макама, ходя по рукам, дошла до сведения визиря Шероф-еддина Абу-Назр Анушервана бен-Каледа, бен Могаммед Кашани, визиря Халифа Мостаршед-биллас. Он прочел ее, и она так ему понравилась, что он убедил отца моего сочинить еще несколько в таком же роде; согласно с его желанием отец мой написал их пятьдесят. К этому Визирю делает Гарири применение в предисловии к своим Макамам, говоря: “Одна особа, коей советы – приказанья; а выполнение их есть уже выигрыш, убедила меня сочинить Макамы, предлагая мне в образец написанные известным Беди; хотя я и знаю, что хромой не может настичь того, кто велик и крепок ногами”. Этот случай, как я теперь рассказал его, находится во многих исторических сочинениях; но быв в Каире, в 686 году, я увидел один экземпляр Макам, писанный собственной рукою Гарири, и на обертке которого рукою этого же автора писано было, что он сочинил их для Визиря Дженлаль-еддин Омаид-эбдаула Абульгассан Алия, сына Абулоц Али, сына Садакова; который был также визирем Мостаршеда, и в подлинности этого нет никакого сомнения. Впрочем, один Бог совершенно знает истину. Сей Визирь умер в месяце реджеда 522, итак, вот что подало повод нашему писателю выдать свои Макамы под именем Абу Сеида из Саруджи. Кади Кемаль-еддин Абульгассан Али бен Юсуф Шейбани Кофти; Правитель Города Алеппо, в книге своей, под заглавием: известия бытописателей о сынах Грамматиков, говорит, что настоящее имя этого Абу Сеида было Мотагер Бен-Салар, что он был родом из Басры и упражнялся в Грамматике и Лексикографии; что он жил в обществе Гарири, изучался у него в Басре, образовался в его школе и отзывался о нем, как о человеке, который некогда был его наставником.

Кади Абульфат Могаммед бен-Ахмед, бен Мендаи Васети упоминает об одном сочинении Гарири, под заглавием Малхат Алираб, что почти значит: Грамматические увеселения, и говорит: Мотагер прибыл в Васет, где мы жили, в 538 году, и читал мне сию поэму, которую сам он получил от Гарири; из Васета отправился он в Багдад; и прибыл туда, прожил там несколько времени и там же умер. Это же самое говорит Самани в своем прибавлении, и Амад-еддин в книге под заглавием: Жемчужина. Каид факр-еддин, утверждает, что Гарири исправлял должность садр-алисмана (или начальника мусульманского духовенства) в Мешане, где он умер в 540 году.

Теперь мы изложим причину, почему Гарири дает имя Гарет бен Гаммама тому лицу, которого заставляет рассказывать похождения Абу-Сеида. Сим вымышленным именем прикрывает он самого себя; по крайней мере, я это читал во многих комментариях на Макамы: “Началом сего произведения служит одно слово Могаммеда, который сказал: «Вы все Гарет, и каждый из вас Гаммам; ибо Гарет означает того, кто выигрывает, а Гаммам – имеющего многие заботы; в этом смысле нет ни одного человека, который бы не был Гарет и Гаммам, потому что каждый старается выиграть и заботится о делах своих””. Многие предпринимали писать комментарии на Макамы; одни весьма пространно, другие же вкратце.

Я читал в одной книге, что Гарири сначала написал только сонет Макам; пришед из Басры в Багдад, он принес их с собою и выдавал себя за сочинителя оных; но многие их Багдадовых ученых никак не хотели этому верить; они утверждали, что это не его сочинение, но одного красноречивого мужа из Магреба, умершего в Басре и которого бумаги случайно попались в руки Гарири, искавшего, чрез что себе присвоить чужую славу. Визирь пригласил его в диван и спросил у него, чем он занимается. Гарири отвечал, что он монша, т. е. писатель-редактор. Тогда визирь приказал ему сочинить письмо на заданный от него предмет. Гарири удалился в один угол дивана, взял чернила и бумагу и пробыл все время празден, потому что Богу неугодно было ничего внушить ему. Он встал с места в совершенном смущении. В числе тех, которые обвинили его в литературной краже, находился Поэт Абуль Касем Али бен-Афла, о котором мы говорили выше. Видя, что Гарири не мог написать письма, предложенного ему от Визиря, Ибн Афла сказал два следующие стиха, которые другие приписывают Абу-Могаммед бен Ахмеду, знаменитому Поэту, известному под именем Эбн-Джакина, Гарими Багдади:

“У нас есть знаменитый ученый из поколения Ребиат Альфариа, который в своей безрассудной ярости щиплет свою бороду. Да пошлет его Бог говорить в Мешане, так же как поразил его молчаньем в полном диване”.

Здесь должно заметить, что Гарири выводил свой род от Ребиат-Альфариа и что в то время, когда погружался в размышления, имел привычку щипать свою бороду. Гарири жил в Басре. Когда он туда возвратился, то сочинил десять новых Макам и послал их в Багдад, извиняясь в неспособности и бессмысленности, которые он обнаружил

в присутствии целого дивана, тем почтительным страхом, коим он тогда был проникнут (см. Абульфедда *Annal. Moslem.* t. III. pag. 414).

Есть много прекрасных сочинений, писанных Гарири, таково, например, под заглавием *صراوخلاموا يفسراوخلاترد* (Durrat al-ghawwāṣ fī awḥām al-khawaṣṣ; название книги Аль-Харири об ошибках в использовании арабской фразеологии), на которую он сам написал комментарий, один диван или собрание стихотворений, маленькие рассуждения и множество стихотворных пьес, кроме тех, кои помещены в Макамах. Вот некоторые из его стихов, коих мысли дышат прелестью.

Мне с смехом говорили:
Ты стар стал для любви;
Давно власы покрыли
Ланиты уж твои! –
Смеетесь вы напрасно,
Сказал я им в ответ,
Судите беспристрастно;
Нет нужды, что я сед.
Кто мог прожить в пустыне
Безлюдной; как же тот
Ее оставит ныне,
Когда она цветет?

Омад-еддин Исфагани в книге под заглавием Перло приводит следующее место из Гарири:

“Сколько серн из неприступных убежищ своих поражает своими очами! Сколько душ драгоценных стремительно низверглось! Сколько волнений испытывает муж гордый и строптивый, когда буйство любви овладевает его разумом! Сколько раз нежная ланита обращала строгого порицателя в снисходительного защитника моих слабостей! Сколько едких забот возбуждает в сердце один взгляд на прекрасные локоны!”

Гарири сочинил поэму *دئاصق* (qasā'id) (кассиды), где часто встречается игра слов. Говорят, что он был очень безобразен и неблагородной наружности. Один чужестранец, пришедший к нему из вежливости и желания воспользоваться его наставительною беседою, увидя его наружность, почувствовал к нему презрение. Гарири это заметил, и когда сей чужестранец попросил прочесть ему что-либо, то он сказал следующие стихи:

“Ты не первый странник, обманутый во время ночи блеском луны; не первый изыскатель места для кочевья арабов, обольщенный

обманчивую зеленью, произведенной презренным наземом. Ищи человека более тебе сродного; что ж касается до меня, то я похож на Мохида; надобно меня слышать, а не глядеть на меня”.

Этот человек покраснел и удалился совершенно пристыженный.

Гарири родился в 446 году, а умер в 521 или 515 в Басре на улице Бену Гарамы. Он оставил двух сыновей. Абу Мансур Джавалики говорит: Неджм-еддин сын Абдаллы и Кадильнодат из Басры, Диа-еддин Абанд-алла сообщили мне Макамы, сочиненные их отцом. Гарири проименовал Гарамы, от имени улицы, в которой он жил в Басре: это имя произносится Гарам. Бену-Гарам есть одно поколение (kabileh) Арабов, жившее в этой улице; от них-то сия последняя и получила свое название. Что ж касается до прозвища Гарири, оно происходит от Гарир (что означает шелк), и его потому так называли, что он или выдывал шелк, или продавал его. Мешан есть маленькое предместье кнizu от Басры, где много находится пальмовых деревьев; но оно известно также и по своему нездоровому воздуху; род Гарири происходит из этого места: говорит, что он имел там 18 000 пальмовых деревьев и что он пользовался большим достатком».

Вот все, что Эбн-Хилькан сообщил нам о сем писателе. Французский Издатель Гарири, знаменитый Сильвестр де Саси, в предисловии своем к Макаме: Золотая монета, говорит, что Макамы Гарири переведены на Еврейский язык одним ученым испанским Жидом: Иеуда или Июдою бен Саломо бен Альхарири,¹ под заглавием: Мехаберот Итиель – сочинения или рассказы Итиеля. Сей перевод в совершенстве передает дух и красоты подлинника, что только сему языку и возможно по его близкому сходству с арабским. Нельзя также не поблагодарить Барона Сильвестра де Саси, что он для показания образчика сего позднего цветка Еврейской Поэзии именно избрал ту пьесу, в которой золото – сей Еврейский Талисман – играет столь важное лицо. Кажется, будто у рассказчика, при первом упоминании о том, готово выскочить сердце. У Гарири, Гарет бен Гаммам говорит просто: Я вынул золотую монету; но Раввинский Итиель говорит: Я вынул из моего кошелька золотую монету, прекрасную, возлюбленную золотую монету; ho'se'ti mikki'si' zahub, zahub chabi'b we'ahub.

Сказывают, что Гарири в сочинении Бесед своих подражал Гамадани, который выдал свои Макамы под заглавием Макама кидия; но не требует доказательств. Это правда, что мы встречаем большое сходство между Гамадани и Гарири как в выборе предметов и мыс-

лей, так и в способе их изложения; но Макамы Гамадани несравненно короче, нежели у Гарири, и поэтому, может быть, имеют право на некоторое преимущество; в них менее заметны усилия вдруг употребить все богатства языка и все риторические утонченности.

Если мы даже не согласимся, что Гарири подражал Гамадани, то он сам имел также многих подражателей. В Королевской Парижской библиотеке находится рукопись, некогда хранившаяся в Ватикане, под N.372, заключающая в себе собрание пятидесяти Макам, сочиненных по образцу Гарири, Абуль Тагер, Могаммед бен-Нжуф Темини Сарахости Андалузи, в Городе Кордуе. Сия рукопись принадлежала Pietro de La Valle См. Biblioth. Or. Clement. Vatic. tom 1. pag. 588 № 18.

Предлагаемая нами Макама Золотая Монета переложена с возможною близостью к подлиннику. Она написана рифмованною прозою, и если стихотворная часть ее не вполне сохранила в себе форму стихов Арабских, то Переводчик вменил себе в обязанность заместить трудность Арабизма не менее стеснительною формою одноокончательной рифмы для каждого встречающегося в ней стихотворения. Заключу сии примечания немногими словами касательно упоминаемых в сей Макаме имен и обыкновений, которые без сего останутся для многих непонятными.

(1). Стада и пальмы или финиковые деревья составляют все богатство кочевых арабов; колодцы посреди безводных степей суть для них величайшее сокровище; а гостеприимство известно из единогласных рассказов всех путешественников, посещавших их отдаленную, бесплодную, но при всем том приятную для них отчизну.

(2). Бедуины имеют обыкновение, отправляясь в далекий путь чрез безводные степи, крепко перевязывать ремнем вокруг своего тела; это средство, как пишет Волней, удерживает в них голод, так что они довольствуются весьма малым, будучи от природы чрезвычайно обжорливы. *Volney. Voyage en Syrie.*²

(3). Кайла – название одного арабского поколения, которое случайно употреблено здесь Абу-Сеидом.

(4). Золотая монета. Это должен быть Динар. Слово сие вообще означает то, что Турки называют Акгіа и филури: аспры и флорины, то есть великого рода деньги. Но гораздо чаще Динаром называют золотую монету, имеющую вес Мецкаля, немного больше, чем французский золотой эку, и равную ценою с Венецианским Секином. Сия

золотая монета много раз изменялась в царствование Халифов; иногда динар стоил двадцать, а в другое время двадцать пять серебряных драхм. У Мусульман не было золотых динаров с собственным чеканом до 76 года Геджры (695 от Р. Х.). Геджадж первый установил сию монету во время Халифатства Абдальмелека. До него же все золотые деньги, бывшие в обращении между Арабами, имели чекан Греческих Императоров, а на серебряных была выбита надпись Персидскими буквами. Халифы из поколения Аббасидов: Гарун Рашид, Мамун и Ватек приказали бить монету, высшую в цене противу той, которая была при Омриадах. *Гербелот*.

(5). Писание, разумеется Магометанское. Коран, по случаю воззвания к священной войне, говорит: «Но кто хромает, тот не подвергается греху» (т. е. не выходя на битву, а оставаясь дома).

(6). Визирь Ануширван, о котором упоминается в жизни Гарири, был человек образованный и с большими талантами. Он сочинил одну хронику под заглавием *صُوُورُ زَمَانِ الْفُتُوُورِ رَوْتَفَلَا نَامُزُ رُوْدَصِ*,³ которую заимствовал Омад-еддин Исфагани, при сочинении своей истории о династии Сельджукидов. Сей Визирь умер в 532 году. *С. Саси*⁴ (Эбн Мендай имел многих знаменитых людей в числе своих учеников, как, например, Гафед абу-Векр Газеми. Он родился в Васете, в месяце реби, 517 года, и умер там 8го Шабана 605. *С. Саси*).

(7). Слушайте Моаидия, но не смотрите на него. Эта пословица Арабская обязана происхождением своим Мондару сыну Ма-альсемову. Она обыкновенно говорится о таком человеке, который не прославлен молвою и не имеет красивой наружности. *С. Саси*.

(8). Беди, которого, как сказывают, Гарири принял за образец, при сочинении своих Макам называется также: Абу'льфадль Ахмед сын Госаина Гамадани, был прозван чудом своего века.⁵ Он умер, следуя мнению Ибн-Хилькана, в Герате, что в Хоросане, в 398 году. – В Макамах Гамадани повествователь: Иса бен Гешам; а Героем его рассказов всегда бывает Шейх Абульфат Эскандери. *С. Саси*.

¹ Здесь Ознобишин ошибается в имени: речь идет о знаменитом еврейском писателе Йехуде Альхаризи, переведшем (а точнее – переработавшем) все пятьдесят макамов аль-Харири; эта книга действительно называлась по имени выдуманного рассказчика «Махеврот Итиэль»; но наибольшую известность ему принесла следующая книга, написанная позднее, «Такхемони» (новейший рус. перевод – *Альхаризи Й. Такхемони*. М., 2013).

² Имеется в виду книга Константина Франсуа Вольнея (подлинная фамилия – Буажире; *Constantin François Volney*; 1757–1820) – французского просветителя, фило-

софа, ученого-ориенталиста «Voyage en Syrie et en Egypte, pendant les années 1783, 1784 et 1785», Paris, 1787).

³ Историческая хроника везира сельджукских султанов Ануширвана б. Халида Кашани, возможного заказчика «Макам» Аль-Харири и покровителя поэта. Полное название книги Ануширвана – «Sudur zaman al-futur wa-futur zaman al-Sudur» – Упадок времени чиновников и чиновники времени упадка (Decline of the time of the ministers and ministers of the time of the decline) – *Примеч. М. Литкина.*

⁴ Антуан Исаак, барон Сильвестр де Саси (фр. Antoine Isaac, Baron Silvestre de Sacy (1758–1838) – французский лингвист и ориенталист, занимался изучением семитских и иранских языков; параллельно с основной работой изучал иранские надписи пехлевийского периода Сасанидской династии, в 1795 г. стал профессором арабского языка в только что основанной Особой школе живых восточных языков (École speciale des langues orientales vivantes). Саси был полиглотом – среди языков, которыми он владел, были иврит, сирийский, самаритянский, халдейский, арабский, средне- и новоперсидский, османский, английский, немецкий, итальянский и испанский. С 1806 г. также занимал должность профессора персидского языка. С 1815 г. – ректор Парижского университета. Саси был учителем Жана-Франсуа Шампольона. Опубликовал немало работ по грамматике арабского языка и мусульманской культуре, в частности: *Exposé de la religion des Druzes* (2 тома, неоконч., 1838), *Grammaire arabe* (2 vols., 1st ed. 1810), *Chrestomathie arabe* (3 vols., 1806).

В библиотеке Ознобишинных есть следующие издания де Саси:

Sacy 'Antonine-Isaac, Silvestre de (1758–1838) *Chrestomathie arabe*?: ou extrais de divers écrivains arabes, tant en prose, qu'en vers, à l'usage des élèves de l' École spéciale des Langues Orientales vivantes; Paris: de l'imprimerie, 1806. 3 тома.

Grammaire arabe: à l'usage des élèves de l' école spéciale des langues orientales vivantes; avec figures / par. A. I. Silvestre De Sacy. Paris: de l'imprimerie impériale, 1810. 2 тома.

Traduit de person, par le meme; et du Borda, poème á la loungage de Mahomet, traduit de l'arabe / par M. le baron Silvestre De Sacy // Exposition de la musulmane. Paris: chez G. Dufour et Ed. D' Ocagne, 1822.

⁵ Имеется в виду родоначальник жанра макамы, арабский писатель Бади' аз-Заман (буквально – «Чудо эпохи»); настоящее имя Абу-л-Фадл Ахмад ибн ал-Хусейн аль-Хамадани (969, Хамадан, – 1007(8), Герат).